

Гранова Мария Андреевна
аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный
национальный исследовательский университет;
преподаватель Института перевода
Шаньдунский университет
(филиал г. Вэйхай, провинция Шаньдун, КНР)
marjanaandreeva@mail.ru

ЕСТЬ ЛИ ДОМ У ЛЕШЕГО? **(на материале русских мифологических текстов Пермского края)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 18-312-00140 «Разработка принципов представления мифологической лексики в электронном словаре (на материале мифологических текстов Пермского края)»

Статья посвящена рассмотрению зафиксированных на территории Пермского края народных представлений о местах обитания лешего и сопоставлению этих представлений с общеславянскими. В качестве материалов, описывающих пермскую традицию, взяты тексты, находящиеся фольклорном и диалектологическом архивах ПГНИУ и в сборниках сказочной прозы Пермского края. В качестве материалов, представляющих славянскую традицию, использованы данные словаря «Славянские древности». Проведенное исследование позволило установить, что ряд представлений, зафиксированных в Пермском крае, является отражением общеславянских верований (так, славянский (и пермский) леший живет в *лесу*, может появляться в *поле*, на *покосе*, на *болотине*, на *перекрестке* дорог, а также имеет «любимые» лесные *тропы*; он нередко заходит в *охотничьи избышки*). К специфическим пермским мотивам можно отнести представления о наличии у лешего трехстенной избы, а также о том, что леший приходит в дом к деревенским специалистам (охотникам, пастухам) и гостит у них (более типичным для общеславянской традиции является поход деревенского специалиста в лес и заключение магического договора с духом-«хозяином» на его территории).

Ключевые слова: славянская демонология, леший, дом, Пермский край.

Народные демонологические представления в настоящее время активно исследуются российскими и зарубежными фольклористами и этнолингвистами. Большое внимание уделяется и мифологической традиции Пермского края. Во-первых, пермские ученые ведут активную полевую работу, в ходе которой собрано огромное количество материала, описывающего народную демонологию этой территории. Часть этих материалов опубликована в виде сборников сказочной прозы (см., например, список

источников настоящего исследования), другая часть находится в различных диалектологических и фольклорных архивах. Во-вторых, осуществляется лексикографирование мифологической лексики, собранной в регионе. Так, пермскими учеными И.И. Русиновой, А.В. Черных, К.Э. Шумовым разрабатывается этнодиалектный «Словарь мифологических рассказов Пермского края». В настоящее время готовится к публикации первый том этого словаря, посвященный людям со сверхъестественными свойствами. На базе компьютерных технологий автором настоящей статьи создается электронный «Словарь мифологических рассказов Пермского края». В-третьих, ведется изучение собранного материала с позиций этнолингвистического (рассмотрение лексики) и фольклористического (например, составление сюжетно-мотивных указателей, рассмотрение демонологических персонажей и т.д.) подходов (см., например, работы И.И. Русиновой, С.Ю. Королёвой, А.В. Черных, И.А. Подюкова).

В настоящей статье будут рассмотрены народные представления о лешем, существующие на территории Пермского края. В качестве материала для исследования мы используем мифологическую лексику русских говоров региона, которая была извлечена нами из текстов, находящихся в фольклорном архиве при кафедре русской литературы и в архиве лаборатории региональной лексикологии и лексикографии при кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ [Материалы], а также из мифологических рассказов, опубликованных в различных сборниках неслучайной прозы Пермского края. Целью статьи является рассмотрение представлений жителей региона о местах обитания (и появления) лешего, а также сопоставление этих представлений с общеславянскими. Для этого пермские материалы будут сопоставлены с данными этнолингвистического словаря «Славянские древности» [СД].

Леший – «в мифологии восточных славян хозяин леса, покровитель лесных зверей и птиц» [Левкиевская 2004: 104], поэтому вполне естественно, что в пермских материалах в качестве «дома» лешего часто упоминается лес: *В лесу лесной живёт* (Меча Кишерт.) [Материалы]; *Кто-то поехал в лес по дрова. Ну и видели лесную бабу. Будто сидит она, волосы чешет и ревет* (Девяткино Сив.) [там же]; *Леший в лесу живёт, это дьявол лесной* (Б. Долды Черд.) [Шумов 1991].

По общеславянским представлениям, «местом обитания лешего является весь лес, однако его излюбленные места – коряги, пни, вывернутые с корнем деревья» [Левкиевская 2004: 105]. Так, в жители Пермского края часто описывают лешего сидящим на пне: ... *на этой Серёней реке бабу увидели. Она на пне сидит, воеет. Сарафан на ей чёрный, с цветами ... Лешачиха это была* (Б. Долды Черд.) [Шумов 1991]; *Зашли парни в лесную глушь и услышали женский плач. Увидели в пятнадцати метрах от*

себя сидящего на *пне* мужчину необъятных размеров в чёрном костюме и рядом с ним – женщину в чёрной юбке и розовой кофте таких же огромных размеров (Добрянка) [там же]; Пермского лешего также часто можно встретить под елью: *Потерялась девка в лесу... приводит её женщина, а девочка-то и рассказывает, что сидела на ёлке... Под ёлкой сидел старик бородатый и слезть не давал* (Пожва Юсьв.) [Бахматов и др. 2008]. Местом обитания пермского лешего также является лесная яма: [Леший] *как человек длинный, чёрный, говорят, живёт в лесу, в яме травянистой* (У.-Говоруха, Краснов.) [Материалы].

Согласно общеславянским представлениям, леший может встретиться человеку на лесном *болоте* [Левкиевская 2004: 105]: *Мы с подругой шли с покоса, а дорога шла через болотину, плохо идти-то. Она споткнулась и упала. «Фу, ты, – говорит, – лешак тебя понеси»... Встала, идём дальше, как вдруг мужик из-за камышей выходит, огромный, высоченный такой, в фуражке (?)* [Бахматов и др. 2008].

Лешего можно увидеть также на дороге или на лесной тропинке (при этом на такой тропинке или дороге нельзя спать или что-либо строить, зато можно оставлять «подарки» лешему): *Дак вот, где он [леший] ходит, тропу если знаешь дак, он по этой тропе ходит, на сучок ему кладётся [подношение], на дорогу. Оно возьмёт его* (Чёрная Юрл.) [Материалы]; *Ферма у нас была поставлена на дороге у дедушки лесного. Как двенадцать часов ночи – все двери раскрываются, он проезжает на белом коне* (Н. Муллы Перм.) [там же]; *Люди утомились от работы и легли отдохнуть прямо на лесную тропку. Только легли, как послышалось уханье чьё-то... Тут один мужик и говорит, что это, действительно, не филин, а леший ухаёт. Не понравилось ему, что мы на его тропке отдыхать легли* (Подлиповка Кунг.) [там же]; *У лешего есть дорога прямая. И если на этой дороге построить дом – скот не поведётся, семья не поведётся* (Пож Юрл.) [Бахматов и др. 2008]. Эти мотивы связаны с тем, что, по народным представлениям славян, дорога является «“нечистым” локусом, местом появления мифологических персонажей» [Левкиевская 1999: 124], поскольку она осмысливается народным сознанием как «разновидность границы между “своим” и “чужим” пространством» [там же].

«Как одна из границ вне пространства села, сосредоточие злых демонических сил, связующее звено с потусторонним светом, т.е. как локус, через посредство которого осуществляются контакты с мифологическими персонажами», в народной культуре осмысливается *перекресток* (*перепутье, росстань*) [Плотникова 2004: 684]. Именно поэтому жители Пермского края оставляют на перекрестках дорог «записки» и подношения лешему, чтобы он вернул пропавших в лесу людей или животных: [Где вот эти вот письма-то разбрасывали?] *На росстанях*. [А это где?] *Росстани*,

знаете, ну, две дороги пересекаются – называется «**росста́нь**». Вот на **перекрёстках** дорог (Таволжанка Юрл.) [Материалы]; **Парень, пять лет было, терялся, лесной его уволокивал, дедушка. Два дня дома не был, мать тирог в лес уносила, на росстань клала. Нашёлся потом парень** (Пож. Юрл.) [Бахматов и др. 2008]; **Больше недели искали теленка-то, убежал с веревочкой, и всё... И мы ушли на рбсстанье, на перепутье, три бумажки все расклали, испекли еще тирог маленький, из рыбы, наввысоко, на пень, положили. И на третий день нашли** (Ефремова Юрл.) [Бахматов и др. 2003].

По представлениям славян, леший может ночевать в *охотничьей избушке* [Левкиевская 2004: 105]. Этот мотив довольно имеется и в пермских материалах: *Отец мой охотник был. И сказывал он, что как-то на зимовке он пришёл в свою охотничью избушку и лёг спать. И слышит, что заходят к нему три здоровых бабы и спорят, разбудить или нет. Так и не разбудили, ушли* (Ничково Краснов) [Материалы].

По представлениям жителей Пермского края, леший имеет и свой собственный дом, в котором он живет вместе со своей семьей и в который «уводит» проклятых людей, неосторожным словом посланных к лешему. Дом лешего находится в лесу и часто имеет три стены (а не четыре, пять или шесть, как жилище человека) и может превращаться либо в три стоящих рядом дерева, либо в кусты: *Мужик репу караулил. Заяц прибежал. Он его, значит: «Понеси ты лешак!» К нему скоро лешак и пришел с кузовом: «Давай садись»... Он унес его куда, таишыл, таишыл и принес его к избушке. В избушке сидит девка и хозяйка* (Тетерина Сол) [Шумов 1991]; *Отец пьяный был, мамка сказывала, в туалет пошел... да обмарался. Начала мамка его ругать: «Иди, говорит, к лешему»... Прилетел дедушко с кузовом... «Садись, – говорит, – в кузов!» А там **избушка** в лесу. Баба длиннуишая тама* (Тетерина Сол.) [Шумов 1991]; *Мужчина лыко рубил... Заплутался, глядь – **избушка в три угла**. Зашёл – в углу такой здоровый дядька лежит, чёрный, и спрашивает: «Что вам нужно, человек прохожий?» Отвечает: «Заплутал» – «Выйдешь, будет время»* (Трошата Сив.) [Материалы]; *Лесной бабу таскал... Она сказывала: «Вечером меня лесной приводит в **трёхстенный дом**, кругом собаки, зайдёшь дак, здоровые, на цепях. Поешь тут, попьёшь. А утром просыпаюсь под тремя елками»* (Бадья Юрл.) [Бахматов и др. 2008]; *Одна девка под лесного попала. Сказывала – говорит, кошу, кошу, раз, коса сломалась... Я пошла к кустам, а вышла, там не кусты вовсе, а **избушка** у лесного. Зашла, там старуха старая сидит, у её маленький ребенок* (Келич Юрл.) [Бахматов и др. 2003]; *А мужик был ... поехал валить зимой, заехал, дрова наклал, домой надо ехать – дорога нету!.. Выехал – одна стоит **изба** среди лесу. Он заходит: «Можно?» – «Можно, чё ты тут издишь де?» – женщина вышла.*

– «А дорогу спутал, не знаю, куда выйти». – «А ты дорогу без хозяина не найдешь. Пойдем, за стол посажу. Он будет угощать, только хлеб не ешь у него. Все ешь, а хлеб нельзя – останешься тут на всю жизнь!» (Ефремова Юрл.) [Бахматов и др. 2003]. В словаре «Славянские древности» нами не обнаружено сведений о наличии у лешего избы.

Помимо леса, к «нечеловеческому», неосвоенному (или «полуосвоенному») пространству народное сознание причисляет луга и поля. Так, поле – это «локус, наделяемый признаком бесконечности, безграничности и поэтому трактуемый как культурная периферия, граница “своего” и “чужого” миров» [Агапкина 2009: 133], поэтому в поле иногда могли встретить лешего. *Покосы* (луга) часто находились в лесах, то есть также могли относиться к «ведению» лешего. Эти представления подтверждаются следующими текстами: *Вот идёшь – раз-раз-раз, закрутит, всё может унести. Не раз ведь бывало. Вот как поднимется на поле, дак берегись только.* [Вихрь, да?] *Да, это вихрь вот идёт прямо вот. Он вот так вот идёт, он по дороге везде-везде раз-раз-раз...* [А вот говорят, это леший ходит вихрем.] *А дак так говорят, в народе так говорят* (Юм Юрл.) [Материалы]; *Я пашу, а леший по полю идёт. У него тинжаск, пуговки* (Таволжанка Юрл.) [Бахматов и др. 2008]; *Так же и старики на покосе лесного [лешего] видали. Поднялся вихорь и всё сено раскидал* (Меча Кишерт.) [Материалы].

Согласно представлениям жителей пермской территории, леший может вторгаться и в «человеческое» пространство – в дом человека. При этом контакт человека и духа происходит через *окно* или *голбец*: *Вдруг зашумело, зашумело. Постучал он [леший] в окошко, сам здоровуший, на крылечко навалился. Стала баба его спрашивать [о своей пропавшей корове]. Указал он тогда мужика, два дня, говорит, корову держал, потом зарезал* (Тетерина Сол.) [Шумов 1991]; *А вот бабка моя сказывала, что когда мы жили в Колобово, то эта лесная баба сама нам в окно заглядывала. Стояла и ревела в голос* (Девяткино Сив.) [Материалы]; *Женщина на сносях, и она всё не пускает к себе. И в ту ночь она выродила ребёнка... По талии по плечам вся была в голбце, вся в синяках, изнасилована. На лешего говорят, он любит сырых женщин* (Городище Сол.) [Там же]. Дело в том, что окно в славянской народной культуре – «часть дома, которая (наряду с порогом, дверью, воротами, печной трубой) осмысливается как граница между своим (домашним) и чужим (внешним) пространством, обеспечивающая связь обитателей дома с внешним миром» [Виноградова, Левкиевская 2004: 534]. Голбец же в народном представлении считается «нечеловеческим» пространством в доме, там не живут люди, зато могут обитать духи (например, домовый). Как показывает приведен-

ный текст, леший также может контактировать с жителями дома через голбец.

Наконец, леший может «гостить» у человека (у деревенского специалиста, например, у охотника), который приглашает его к себе в дом и угощает, чтобы задобрить духа-«хозяина» леса и заручиться его поддержкой: *Вот... приезжал [леший]... показывалось на высокой лошади. Зимой если приезжает, вот вроде того что как он ему вот дичь любую... Он всех своих домочадцев из дома проваживал, даже хозяйку не оставляли дома. Если он заходит, он спрашивает: «Кто у вас в доме?»* (Таволжанка Юрл.) [Материалы]. Таким образом, здесь отражается общеславянский мотив заключения магического договора между деревенским специалистом и лешим (см. о данном мотиве в [Левкиевская 2004: 107]).

Итак, проведенное исследование позволяет нам сделать следующие выводы.

Представления о местах обитания и появления лешего, зафиксированные в Пермском крае, во многом совпадают с общеславянскими, однако имеются и некоторые специфические мотивы.

Для русских пермской территории, как и для всех славян, характерно представление об обитании лешего в *лесу*, а также о том, что его любимыми местами являются *гни* и густые *ели*. Однако в пермских материалах в качестве «места жительства» лесного духа-«хозяина» отмечается также *лесная яма*.

Отражением общеславянской традиции является и указание в пермских текстах в качестве мест обитания лешего *болотины*, *поля* и *покоса*.

Универсальным для всей славянской традиции, включая и традицию русских Пермского края, является представление о появлении лешего на *дорогах* и *перекрестках (росстанях)*, а также о существовании в лесу «любимых» *дорог* и *троп* лешего, на которых человек не имеет права спать либо строить что-либо.

Для всех славян (и для пермской территории) характерно представление о том, что леший может обитать в лесных *охотничьих избушках*.

В качестве специфических для пермской территории мотивов можно выделить:

во-первых, представление о наличии у лешего *избы*, которая находится в лесу, часто имеет трехстенную конструкцию и показывается не всякому человеку (для кого-то это дом, а для кого-то – кусты или три большие ели, стоящие близко друг к другу);

во-вторых, мотив о том, что леший может входить в *дом* к человеку, вторгаться в человеческое пространство (при этом, согласно пермским текстам, контакт происходит либо через *окно* как одну из границ дома, либо через *голбец* как нечеловеческое пространство в доме; кроме того,

пермский леший может «гостить» у деревенских специалистов, например у охотников (ср. общеславянский мотив, в соответствии с которым пастух или охотник должен сам пойти в лес, чтобы заключить с лешим договор)).

Список источников с сокращениями

Бахматов и др. 2003 – Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX–XX вв.: материалы и исслед. / А.А. Бахматов, И.А. Подюков, С.В. Хоробрых, А.В. Черных. Кудымкар: Коми-Пермяц. кн. изд-во, 2003. 493 с.

Бахматов и др. 2008 – Бахматов А.А. и др. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: Материалы и исследования. Пермь: От и до, 2008. 502 с.

Материалы – Материалы архива лаборатории региональной лексикологии и лексикографии при кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета (рук. к. филол. н., доц. И.И. Русинова) и архива лаборатории «Фольклор Прикамья» при кафедре русской литературы Пермского государственного национального исследовательского университета (рук. к. филол. н., доц. К.Э. Шумов, доц. С.Ю. Королёва).

Шумов 1991 – Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / сост. К.Э. Шумов. Пермь: Кн. изд-во, 1991. 412 с.

Библиографический список

Агапкина Т.А. Поле // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). М.: Междунар. отношения, 2009. С. 133–137.

Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е. Окно // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). М.: Междунар. отношения, 2004. С. 534–539.

Левкиевская Е.Е. Дорога // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / Под. общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2: Д (давать) – К (Крошки). М.: Междунар. отношения, 1999. С. 124–129.

Левкиевская Е.Е. Леший // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). М.: Междунар. отношения, 2004. С. 104–109.

Плотникова А.А. Перекресток // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). М.: Междунар. отношения, 2004. С. 684–688.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995–2012. – Т. 1–5.

Сокращенные названия районов Пермского края

Кишерт. – Кишертский, Краснов. – Красновишерский, Кунг. – Кунгурский, Перм. – Пермский, Сив. – Сивинский, Сол. – Соликамский, Черд. – Чердынский, Юрл. – Юрлинский, Юсьв. – Юсьвинский.

M.A. Granova

Postgraduate Student in the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University
Teacher of Institute of the Translation
Shandong University (Weihai, P.R. China)

**IS THERE A WOOD-GOBLIN HOUSE?
(on the material of Russian mythological texts of the Perm Krai)**

The article is devoted to the consideration of folk notions about the dwelling places of a wood-goblin fixated on the territory of the Perm Krai and of the comparison of these notions with the Slavic ones. As the materials describing the Perm tradition, the texts from the folklore and dialectological archives in the Perm State University and from the collections of non-fairy prose of the Perm Krai are taken. As the materials representing the Slavic tradition, the dictionary "Slavic antiquities" is used. The conducted research allowed to establish that the number of notions fixated in the Perm Krai is a reflection of the Slavic beliefs (for example, a Slavic (and Perm) wood-goblin lives in the forest, it may appear in the field, in the mowing, in the marshland, at the crossroads, and also it has the "favorite" forest paths; it often comes into the hunting cabin). The specific Perm motives are the notions that the wood-goblin have three-wall wooden house, and also that the wood-goblin comes to the house to the village experts (the hunters, the herdsmen) and staying with them (more typical for Slavic tradition motive is a camping of a village specialist in the forest and the magical conclusion of the contract with the spirit-"master" on its territory).

Key words: Slavic demonology, wood-goblin, house, Perm Krai.